3. *Журавлев, С.* Метод Бернанке может не сработать / С. Журавлев. – URL: http://expert.ru/expert/2008/19/metod_bernanke/13.09.2011

4. *Журавлев, С.* Реанимация слушает / С. Журавлев. – URL: http://expert.ru/expert/2008/50/reanimaciya_slushaet/ 14.09.2011

5. *Журавлев, С.* Ступор / С. Журавлев. – URL: http://expert.ru/expert/2008/50/stupor/ 14.09.2011

6. *Завадский, М.* Бывало и страшнее / М. Завадский. – URL: http://expert.ru/expert/2008/50/byvalo_i_strashnee/ 14.09.2011

7. *Имамутдинов, И.* Монстры меняют кожу / И. Имамутдинов, Д. Медовников. – URL: http://expert.ru/ expert/2008/02/monstry_menyayut_kozhu/

8. *Кокшаров, А.* 1997 год наоборот / А. Кокшаров. – URL: http://expert.ru/expert/2008/02/1997_god_naoborot/

9. Мировой и российский рынок журналов: современное состояние и перспективы развития. Аналитический обзор. – М., 2009. – URL: http://www. marketing.rbc.ru/download/research/demofile_562949954384407/ 14.07.2011

10. Он должен найти новое равновесие. – URL: http://expert.ru/expert/2008/50/chelovek_goda/ 14.09.2011

11. Последний год халявы. – URL: http://expert.ru/expert/2008/50/posledniy_god_halyavy/ 14.09.2011

12. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития. – М., 2009. – URL: http://www.fapmc.ru/magnoliaPublic/rospechat/activities/reports/2009/item1675.html/ 14.07.2011

13. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития. – М., 2010. – URL: http://www.fapmc.ru/magnoliaPublic/rospechat/activities/reports/2010/item1741.html

14. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития. – М., 2011. – URL: http://www.fapmc.ru/magnoliaPublic/rospechat/activities/reports/2011/item3.html

15. *Селиванова, Е.А.* Принцип дискурсоцентризма и стратегические программы украинской телерекламы / Е.А. Селиванова // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах. – Ставрополь; Краснодар, 2008. – Вып. 6. – С. 68.

16. *Сиваков, Д.* Внутренняя логика суверенного рынка / Д. Сиваков, М. Тальская, А. Кокшаров, П. Быков, М. Завадский. – URL: http://expert.ru/expert/2008/04/logika_rynka/13.09.2011

17. *Тальская, М.* Сложная работа в сложных условиях / М. Тальская, М. Рубченко. – URL: http://expert.ru/ expert/2008/02/slozhnaya_rabota_v_slozhnyh_usloviyah/13.09.2011

18. *Толстунова, М.А.* Нижегородская деловая пресса на современном этапе (начало XXI в.): автореф. дис. … канд. филол. наук / М.А. Толстунова. – Воронеж, 2009.

19. *Филипс, Л.* Дискурс-анализ: теория и метод / Л. Филипс, М. Йоргансен. – Харьков, 2008.

20. *Флинк, О.* Фискальная перенастройка / О. Флинк. – URL: http://expert.ru/expert/2008/50/fiskalnaya_perenasroika/ 14.09.2011

21. Холодок неизвестности. – URL: http://expert.ru/expert/2008/04/logika_rynka_editorial/13.09.2011

22. *Fairclough, N.* Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Cambridge, 1992.

23. *Fairclough, N.* Media Discourse Text / N. Fairclough; ed. by Edward Arnold. – Oxford, 1995.

УДК 811.161.1+81'1

В.А. Ефремов

СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ И ФЕМИННЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Статья посвящена анализу репрезентации новых и трансформации прежних феминных гендерных стереотипов в русской языковой картине мира середины XIX в. Исследованы различные способы устранения гендерных асимметрий и фиксации гендерных стереотипов, использованные в словаре В.И. Даля.

The article analyzes the representation of new feminine gender stereotypes and transformations of the old ones in the Russian language picture of the world (in the middle of the XIX cent.). The paper explores different ways of eliminating gender asymmetries and fixation of gender stereotypes used in V.I. Dahl dictionary.

Словарь, гендерные стереотипы, феминность, гендерные асимметрии, языковая картина мира.

Dictionary, gender stereotypes, femininity, gender asymmetries, linguistic picture of the world.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля – это богатейший источник разнообразной лингвокультурологической информации: одной из его задач было «отобразить духовные и нравственные взгляды русского народа, черты его характера, обычаи и нравы» [5, с. 291]. Более того, данный словарь можно исследовать и как зеркало русской языковой картины мира именно середины XIX в. – времени слома не только политических, экономических, социальных парадигм, но и мировоззренческих представлений русского человека. Одним из частных ракурсов лингвокультурологического анализа словаря В.И. Даля может стать гендерно ориентированный анализ, апеллирующий к словарю как достоверному источнику информации о специфических чертах русского сознания, в том числе и о его гендерных стереотипах. Традиционно под последними понимают «культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» [6, с. 98], обычно репрезентированное в виде законченных высказываний, однако даже анализ собственно номинаций лиц (в данном случае – женщин) может служить инструментом экспликации стереотипов: номинацию лица можно представить как свернутый образ, «заархивированное» (если воспользоваться компьютерной метафорой) представление о человеке.

Время выхода словаря В.И. Даля совпало с клю-

чевым моментом развития общественно-политических идей, связанных с отменой крепостного права и так называемым «женским вопросом»: первое полное издание словаря вышло в свет в 1866 г. Разумеется, что все возрастающая в середине XIX в. актуальность темы женского вопроса (образование, гражданские и экономические права, свобода и равноправие женщины и др.) приводит к формированию в российском обществе новых и к трансформации прежних гендерных стереотипов. Как представляется, картина мира, отраженная словарем В.И. Даля, соединяет в себе элементы двух эпох: традиционного, многовекового уклада жизни патриархального общества и нового, зарождающегося мира капиталистических отношений.

Традиционные стереотипы. 1. Следует напомнить, что В.И. Даль, несмотря на наличие предшественников, во многом закладывает традицию русской толковой лексикографии: «Словарь В.И. Даля – вершина лексикографической работы XIX в., с высоты которой открывались новые перспективы развития русской лексикографии» [7, с. 26]. Вместе с тем, как показывает анализ бытования гендерных стереотипов в русской толковой лексикографии [4, с. 81 – 82], словарь В.И. Даля во многом и «навязывает» гендерные стереотипы, которые затем транслируются отечественной лексикографией на протяжении многих десятилетий. Так, впервые именно в этом словаре отражен базовый стереотип лексикографической подачи женщины и мужчины не как взаимодополняющих, а как противоположных понятий: «*Женщина*. Лицо женского пола, противопол. *мужчина*». Этот стереотип противопоставления мужского и женского сохраняется в русской лексикографии до сих пор, хотя в лексикографии европейских языков ключевым (и часто единственным!) семантическим признаком для определения женщины становится ее функция материнства.

2. Показательным примером патриахатной языковой картины мира становится тот факт, что В.И. Даль не отмечает отрицательных коннотаций лексемы *баба*, отражая сугубо номинативный характер данного слова, и описывает его как элемент крестьянской картины мира (особо показателен комментарий В.И. Даля к третьему значению): «**Баба**. Замужняя женщина низших сословий, особенно после первых лет, когда она была *молодкою*, *молодицею*, или вдова. || Мать отцова или материна, жена деда, более употреб. умалит. *бабка*, *бабушка* и пр. || Жена; крестьянин редко иначе назовет в глаза жену свою, разве хозяйкою. || Повитуха, повивальная бабка, приемница; также более употреб. *бабка*, *бабушка*, *баушка*» [3].

3. Одновременно в этой же словарной статье находим одну из архетипических и присущих всем андроцентрическим языкам гендерных асимметрий (неравномерная представленность в языке лиц разного пола): «Применение мужского обозначения к референту-женщине допустимо и повышает ее статус. Наоборот, номинация мужчины женским обозначением несет в себе негативную оценку» [6, с. 40]. Так, толковые словари фиксируют в качестве одного из значений лексемы *баба* пейоративный лексико-семантический вариант «*Разг. Презр*. О слабом, нерешительном мужчине, мальчике» [11]. Впервые описал это значение в качестве самостоятельного В.И. Даль: «*Бранно*. Мужчину зовут бабою. *Эка баба, что нюни распустил? Он такая баба, что всякому в обиду дается*, вялый, дрянной, робкий, неуправный» [3].

4. В словаре В.И. Даля можно обнаружить примеры архаичных гендерных стереотипов, связанных с представлениями о распределении труда, которое в русской культуре, как и во многих других патриархатных культурах, было жестко гендерно маркировано. Архаичные формы фиксации этого явления закрепились в русском языке в виде исключительно женских номинаций представителей некоторых профессий: например, *пряха* при отсутствии мужского «аналога» **прях* (*прядильщик* – это мастеровой на фабрике; реалия XIX в.). Историческая гендерная закрепленность фиксируется и в номинациях, связанных с областью ухода за домашними животными в пределах домашнего хозяйства: у В.И. Даля *птичница* – ‘уходчица за птицей’, а *птичник* – ‘промышляющий ловлей певчих птиц’. Вместе с тем в случае если речь идет о такой древнейшей сфере человеческой деятельности, как пастушество, то исторически первой и наиболее употребительной будет номинация мужского рода *пастух*, а эквивалент *пастушка* следует признать калькой, пришедшей в русский язык лишь в XVIII в. вместе с пасторальными жанрами западноевропейской культуры: по данным этнографических источников (например, [13]), в исторической действительности в России женщины практически не допускались к охране и выгулу скота. Вот почему из 20 пословиц, иллюстрирующих в словаре В. И. Даля слова *пастух* и *пастушка* (sic!), все 20 содержат только форму мужского рода.

Новые феминные стереотипы. Середина XIX в. в России характеризуется появлением новых форм феминности, что находит свое отражение и в языке, и в словаре В.И. Даля: часть из новых номинаций связана с редукцией старых гендерных асимметрий, часть – с языковой фиксацией новых гендерных стереотипов.

1. Традиционным способом устранения гендерных асимметрий становится словообразование. Именно с середины XIX в. впервые полноценно начинает развиваться то языковое явление, которое в гендерной лингвистике получило название феминистские неологизмы – лексемы, служащие для устранения гендерных асимметрий в андроцентричных языках, к каким, с точки зрения представителей феминистской лингвистики, относится русский язык XIX в.

В словаре В.И. Даля весьма последовательно используется практически весь потенциал русского словообразования для создания новых существительных женского рода от существительных мужского.

1) Так, классическим для русского языка примером устранения гендерной асимметрии с помощью иноязычного суффикса *-ис*(*а*) становится впервые зафиксированная именно в словаре В.И. Даля лексе-

ма *директриса* (по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), появляется в 1840-е гг.) ‘начальница женского училища или иного заведения’ (ср. *директорша* – ‘жена директора’). По объективным социокультурным причинам этого слова нет и не могло быть в XVIII в. (данные «Словаря русского языка XVIII века» и «Словаря Академии Российской») и (во всяком случае, в таком значении) в первой половине XIX в.: женские училища как средние учебные заведения с 7-летним сроком обучения (первоначально Ведомства учреждений императрицы Марии) появились в России в 1858 г.

2) Особо следует отметить именно передовой характер образования В.И. Далем некоторых феминистских неологизмов: так, в словаре зафиксированы лексемы, которые, по данным НКРЯ, практически не использовались в русском языке XIX в., да и не столь актуальны для XX в.: например, слово *астрономка*. Интересно, что НКРЯ приводит лишь один контекст его употребления, связанный как раз с широко обсуждаемым в то время «женским вопросом», – из сатирического произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина (фрагмент рассуждений «новой барышни»): «Думают, коли девица, так и не должна ничего знать... скажите на милость! Конечно, я потом, замужем, еще более развилась, но и в девицах... Нет, я в этом случае на стороне женского вопроса стою! Но именно в одном этом случае, parce que la familie... tu comprends, la familie!.. tout est la. Семейство – это... А все эти женские курсы, эти акушерки, астрономки, телеграфистки, землемерши, tout ce fatras...» (Салтыков-Щедрин М.Е. Письма к тетеньке, 1882).

Вместе с тем в последнем по времени создания академическом списке, часто цитируемом в аспекте гендерных асимметрий и номинаций женщины, который приводится в словаре «Грамматическая правильность русской речи», лексемы *астрономка* нет [2, с. 140]. Одновременно в весьма спорном по своему составу словаре Н.П. Колесникова [8] фиксируется лишь лексема *астрономичка* (‘специалистка в области астрономии’). В связи с этим закономерно возникает вопрос о мотивах включения В.И. Далем лексемы *астрономка* в словарь и о ее атрибуции. Эта номинация – авторский окказионализм? потенциальное слово? прогнозирование развития языка? попытка устранения лакуны, так и не востребованная языком?

3) *Писарка* (‘женщина-писарь’; лексема не зафиксирована в НКРЯ). Интересно, что и в этом случае В.И. Даль создает (фиксирует?) слово, которое так и не прижилось в русском языке, во многом потому, что обозначало почти невозможную для женщины работу. В связи с этим весьма показательна заметка под названием «Женщина волостной писарь», опубликованная в газете «Новое время» от 06 июля (23 июня) 1909 г.: «Из села Бобровки. Екатеринбургского уезда, в „Перм. Ведом.“ сообщают: „По предписанию земского начальника Бялых к исполнению обязанностей волостного *писаря* по Бобровской волости допущена женщина Мартынова, ранее служившая в том же селе помощником волостного писаря. Мартынова уже немолодая женщина, волостное дело знает прекрасно и пользуется среди сельчан завидными симпатиями“». Отсутствие в данной заметке лексемы *писарка* или какой-либо иной однословной номинации, а также использование перифрастической конструкции *женщина (волостной) писарь* свидетельствуют об отсутствии в активном словарном запасе современника соответствующего слова.

4) Как особое достоинство словаря В.И. Даля следует отметить последовательное представление номинаций лиц женского пола, обозначающих жену человека той или иной профессии, звания, чина и т.д., с использованием суффиксов *–ш*(а) и (реже) *–их*(а): *генеральша*, *асессорша*, *докторша*, *городничиха*. Номинаций жен в словаре зафиксировано более 150, среди них и такие экзотические, как *бурмистрша* или *драгоманша*, которые не зафиксированы ни в каких иных лексикографических источниках, и не встречаются в НКРЯ. Более того, можно предположить, что так же, как лексемы *астрономка* или *писарка*, эти слова вряд ли имели какое-либо реальное хождение. Следовательно, и в данном случае В.И. Даль скорее устраняет возможные лакуны, связанные с гендерными асимметриями, нежели фиксирует реальное положение дел в языке. Впрочем, существует и иная точка зрения на данное изобилие номинаций жен: «В XIX в. значительно продуктивнее, чем в современном языке, было обозначение женщин по чину, должности, званию или роду занятий мужа» [10, с. 80].

5) Показательно, что иногда статьи словаря В.И. Даля, формально устраняющие гендерные асимметрии, в имплицитной форме, наоборот, отражают гендерные стереотипы патриархатного XIX в. о личностных свойствах мужчин и женщин. Например, слова *юморист* и *юмористка* из словарной статьи *юмор* вроде бы равноценны, однако иллюстративный материал «выдает» настоящее представление русского человека XIX в. о гендерной специфике данного явления: «Англичане – юмористы, у них есть даже и юмористки» [3]. Усилительная частица «даже» явно демонстрирует, насколько необычной (по меньшей мере!) кажется русскому человеку идея существования женщин такого рода деятельности.

6) Нельзя не отметить и непоследовательность устранения В.И. Далем гендерных асимметрий, связанную с масштабами проделанной автором колоссальной лексикографической работы: ярким примером подобной непоследовательности является тот факт, что слово *квартетчик* представлено только в форме мужского рода, а слово *квинтетчик* имеет словообразовательное соответствие *квинтетчица*.

2. Появление новых номинаций женщины в XIX в. становится и следствием актуализации разнообразных гендерных стереотипов, существовавших на периферии языкового сознания представителя традиционного, патриархатного общества. Именно в середине века впервые фиксируется лексема *бесприданница*, эксплицирующая гендерные стереотипы, связанные со всевозрастающей значимостью товарно-денежных отношений. (При этом, безусловно, нельзя сбрасывать со счетов и влияние художественной литературы на языковую картину мира: пьеса А.Н. Островского вышла в свет в 1878 г.)

Эта лексема, отсутствующая, по данным исторических словарей, в XVIII в., впервые кодифицируется опять же в словаре В.И. Даля: «Бесприданница. Девушка, которую берут замуж, не требуя приданого, за красоту и достоинства ее. <…> Бесприданная невеста, бедная, у которой ничего нет» [3]. Отметим, что наиболее раннее употребление слова *бесприданница*, по данным НКРЯ, принадлежит самому В.И. Далю: в «Уральском казаке» (1843) есть следующее замечание: «*Там девки все бесприданницы, и обычай этот, конечно, ведется с тех пор, как их было еще мало, а холостежи казачьей набиралось много*» [9].

3. Важную роль в вербализации новых гендерных стереотипов, как и в XX – XXI вв. (ср.: «женщина-вамп», «секс-бомба» и др.), играли иноязычные заимствования, которые могли использоваться по разным причинам и выполнять разнообразные функции в структурировании языковой системы. (Ср.: «Значительное влияние на активизацию названий лиц женского пола оказали иноязычные заимствования. Иноязычные слова, называющие лиц по профессии и роду занятий, по взглядам, мировоззрению, принадлежности к учениям и политическим партиям и т. д., активно входили в русский язык в XVIII – XIX вв.» [10, с. 79].)

1) С одной стороны, заимствования активно использовались в речи учащихся девушек и помогали вербализовать реалии, связанные с новой для России средой женского образования. Наиболее полную картину номинаций учениц разных женских учреждений и отношений между ними можно найти в замечательном словаре О.А. Анищенко [1]. Одновременно нельзя недооценивать актуальность для середины XIX в. подобного рода лексики. Так, слово *пепиньерка*, впервые также зафиксированное В.И. Далем (’воспитанница учебного заведения, которая готовится в наставницы’), было весьма распространено в русском языке с 1840-х гг. и вплоть до революционной эпохи (данные НКРЯ). Более того, оно даже послужило заглавием небольшого очерка, в котором, в частности, приводится следующее художественное определение этого типа барышни: «*Итак, пепиньерка есть девица – и не может быть недевицей, так точно и недевица не может быть пепиньеркой*» (Гончаров И.А. Пепиньерка, 1842). Собственно сам очерк И.А. Гончарова дает богатый материал для исследования гендерных стереотипов середины XIX в., связанных с внутри- и межгендерными отношениями.

2) С другой стороны, как это неоднократно случалось в истории русского языка, рецепция новых социально-экономических идей и явлений приводила к прямым заимствованиям слов, их обозначающих. В качестве примера такой номинации нового гендерного стереотипа можно привести лексему *эмансипе* (‘о женщине, демонстративно подчеркивающей равные с мужчинами права, ведущей себя свободно и независимо в социальной жизни и в быту’), которая не попала ни в один толковый словарь русского языка (хотя *эманципация* у В.И. Даля есть). Одно из первых употреблений принадлежит И.С. Тургеневу: «*Кто бы она ни была – просто ли губернская львица, или «эмансипе» вроде Кукшиной, только у нее такие плечи, каких я не видывал давно*» (Отцы и дети, 1862). Роль этого слова так же, как и слова «эмансипация» и его дериватов, трудно переоценить в русской культуре второй половины XIX в.: «Появление этих слов (заимствованная общественно-политическая лексика. – *В.Е.*) вызвано к жизни тем глубоким вниманием к вопросам социальной жизни, междучеловеческих отношений, переустройства общества, которое так характерно для передовой мысли этого времени. Их распространение тесно связано с развитием русской демократической мысли, с развитием новых социально-экономических отношений в России накануне реформы 1861 г.» [12, с. 85].

Подводя итог, можно сказать, что словарь В.И. Даля дает богатейший лингвокультурологический материал для анализа различных сторон социальной действительности России середины XIX в., в том числе и вопросов гендерной стратификации общества, его гендерных стереотипов и асимметрий.

Литература

1. *Анищенко, О.А.* Словарь русского школьного жаргона XIX в. / О.А. Анищенко. – М., 2007.
2. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. – М., 2004.
3. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М., 1998.
4. *Ефремов, В.А.* «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира / В.А. Ефремов. – СПб., 2009.
5. История русской лексикографии / отв. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб., 1998.
6. *Кирилина, А.В.* Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М., 1999.
7. *Козырев, В.А.* Русская лексикография / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – М., 2004.
8. *Колесников, Н.П.* Толковый словарь названий женщин / Н.П. Колесников. – М., 2002.
9. Национальный корпус русского языка. – URL: www.ruscorpora.ru (НКРЯ).
10. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: в 5 т. Т. 4: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой. – М., 1964.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981 – 1984.
12. *Сорокин, Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка 30 – 90-е гг. XIX в. / Ю.С. Сорокин. – М.; Л., 1965.
13. *Щепанская, Т.Б.* Пастух / Т.Б. Щепанская // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре: иллюстрированная энцикл. / Д. А. Баранов и др. – СПб., 2005. – С. 440 – 445.